

Лит. Газета - 1994 - 15 фев - с 13

“КТО следующий претендент в Шекспиры” – назвал свою статью доктор искусствоведения А. Штейн, раздраженный появившимися в “ЛГ” публикациями, где авторство канонического Шекспира поставлено под большой знак вопроса. Сочувствую, но что поделаешь – у многих совсем неглупых людей (в их числе и Анна Ахматова, и Владимир Набоков, и Марк Твен, и Чарльз Чаплин, и Зигмунд Фрейд – список можно продолжить) личность упомянутого стратфордца вызывала сомнения. Из уважения к их имени не стоит отмечать с порога самую возможность, что автором великого наследия был кто-то иной...

Кстати, они вовсе не ставят под сомнение ни величие произведений, вошедших в мировую культуру под именем Шекспира, ни их автора. Они ставят под сомнение культ стратфордского Шекспира (точнее, Шакспера – так он был записан в церковных книгах, так именуется в сохранившихся документах). Ну, а если культ ложный, почему бы его не ниспровергнуть?

На мой взгляд, многие статьи, касающиеся шекспировского вопроса, вызывают и огорчение, и недоумение – статья Н. Кастрикина в “ЛГ” из их числа. Статья же И. Гилилова, на нее отвечающая, – явление совершенно иного порядка, так как построена она не на предположениях и допущениях, а на десятикратно проверенных фактах.

Не буду представляться специалистом по “шекспировскому вопросу”. В нашей стране их долгие десятилетия вообще не было: все нестратфордские версии (то есть отрицающие авторство Шакспера) были объявлены “идеологически неприемлемыми” – нет нужды объяснять, сколько серьезные оргвыводы могли за тем последовать. А. А. Смирнов, А. А. Аникст и другие классики нашего шекспироведения приняли версию каноническую, утвержденную авторитетом лорда Чемберса. Версия выглядела достаточно убедительной, тем более что ни один из объявленных претендентов на роль Шекспира “не тянул”. Разнообразным брешам в концепции Чемберса было придумано сводящее концы с концами объяснение – и в общем, стратфордский Шекспир в свете ее смотрелся достаточно респектабельно. Читая в свое время хлесткую статью Марка Твена о “самом великом из никогда не существовавших людей”, я радовался ее остроумным пассажам, но сколько-нибудь всерьез веры в Шекспира стратфордского они не задевали.

Впервые же поразили меня не сенсационностью открытия, что “Шекспир – не Шекспир”, а капитальностью научной аргументации и новизной вводимых в обращение фактов, причем не только тех, что были неизвестны нам из-за отсутствия переводов работ зарубежных шекспироведов, но и тех, что прежде не были известны всему мировому шекспироведению, –

публикации в работах отечественного шекспироведа И. Гилилова. В той статье, что напечатана недавно в “ЛГ”, Гилилов достаточно сдержан в своих утверждениях, он просто констатирует, что не мог лорд-камергер Хансдон быть автором шекспировских творений, истинного автора надо искать в кругу Рэтлендов – Саутгемптонов – Пэмбруков. В книге, которая сейчас готовится к печати, Гилилов более определен в своих выводах: мне повезло прочесть в рукописи этот пятисотстраничный труд и написать к нему послесловие.

После этого серьезнейшего, проведенного с увлеченностью детектива и строгой научной аргументацией исследования читать включившегося в полемику на страницах “ЛГ” А. Штейна, скажем прямо, скучно. Штатпы, принятые на веру легенды, почитаемые научной истинной домыслы...

Ну взять хотя бы утверждение, что Шекспир не обмолвился в завещании о своих пьесах потому, что они “писались для театра и представляли собой достойные и собственность театра. Они уже не принадлежали Шекспиру, и, очевидно, тому не пришло в голову, что они представляют собой самостоятельную ценность...”

Обращаю внимание на слово “очевидно”, не вяжущееся с научной аргументацией. Где, в каких документах зафиксировано, что пьесы Шекспира представляли собой собственность театра? А вот документы о том, что Шакспер (не путать с Шекспиром, то есть автором шекспировского наследия) брал на откуп церковную десятину, что люто судился со своими должниками, есть. Выходит, выколачивать каждый пенс за проданную солому и сено Шакспер не забывал, а куда более весомыми доходами от изданий не интересовался. Кстати, аристократическая семья Пэмбруков-Сидни, с которой породнен был граф Рэтленд (его Гилилов доказательно считает главным творцом великой шекспировской мистификации), такими доходами не брезговала...

Повторяя азбучные истины шекспироведения, Штейн ссылается на то, что “через 7 лет после смерти Шекспира двое его коллег Хеминг и Кондел издали его пьесы”. Действительно, два эти имени стоят в фолио под обращением к читателю. Но на основе анализа текста джонсоноведы ныне с уверенностью утверждают, что оно написано именно Бен Джонсоном. И вообще, достаточно примеров, когда на титульных листах ставились заведомо ложные даты, имена, не существующие в мире места издания. Есть ли иные подтвержде-

ПОЛЕМИКА

Александр ЛИПКОВ,
доктор искусствоведения

Иных “претендентов в Шекспиры” быть не может...

ния тому, что Хеминг и Кондел, никогда книгоиздательством не занимавшиеся, на этот раз вдруг выступили на столь непросто-м поприще?

Выстраивая свою концепцию, Гилилов ценой огромного труда докапывается до цифр и фактов, которые по кирпичику собирает. Но докапывается же! Есть среди них, к примеру, такие подсчеты: издание роскошного первого шекспировского фолио стоило порядка 6000 фунтов, выручено же от продажи могло быть лишь около четверти этой суммы. По карману ли нищим актерам позволить себе такой шикарный жест, даже в память своего коллеги? И кто, кстати, оплатил памятник Шаксперу в церкви Св. Троицы в Стратфорде? В завещании Шакспера на сооружение его не отписано ни пенса. Случайно ли, что делали его те же мастера и в то же самое время, что и памятник Рэтленду, с использованием тех же архитектурных мотивов?

Кстати, а почему Хеминг и Кондел издали фолио через 7 лет после смерти своего друга? Почему не сразу же или, допустим, не через десять лет? В версии Гилилова подобный вопрос не возникает. Второе фолио было издано в 1632 году, через 20 лет после смерти Рэтленда, первое – в

1623-м, через 11 лет. Дата вроде бы не круглая. Но есть объяснение этой странности, снимающее все сомнения. В каталоге Франкфуртской книжной ярмарки 1622 года анонсировано шекспировское фолио, которое должно было выйти к десятилетней годовщине смерти Рэтленда. А затем было отложено на год из-за смерти истинного своего редактора и составителя Мэри Сидни-Пэмбрук...

Рэтленд умер в 1612 году. Исследователи давно обратили внимание на то, что стратфордский Шакспер после этой даты почему-то не написал ни единой строчки. Сторонников любой из нестратфордских версий это ничуть не удивляет. Им известно, что Шакспер был неграмотен (в лучшем случае едва грамотен: об этом свидетельствует графологическая экспертиза сохранившихся его подписей), кста-

ти, и родители его, и жена, и дети были неграмотны. А ведь речь как-никак идет о писателе, черпавшем свои сюжеты из книг латинских, греческих, французских, испанских, итальянских авторов, в том числе и из тех, что к тому моменту не были переведены на английский.

В упомянутой выше статье Штейн делает поистине сногшибательное шекспироведческое

открытие: оказывается, существует подлинная рукопись Шекспира – сцена из пьесы “Томас Мор”. “Графологический анализ абсолютно положительно (курсив мой. – А. Л.) ответил на вопрос об адекватности почерка”, – пишет он. Адекватности чему? Ни одного другого текста, написанного рукой Шакспера, нет. Есть шесть его подписей, все разные, сделанные скорее всего не им самим (в завещании, может быть, и им), а писцами. Не слишком ли шаткая основа для “абсолютно положительного” заключения, что “безусловно эта сцена написана Шекспиром”? Кстати, очень может быть, что и Шекспиром, но только не Шакспером.

Выдвигаемая Гилиловым рэтлендианская версия шекспировского авторства не нова. Большой вклад внесли в нее бельгийский историк С. Демблон, наш соотечественник П. Пороховщиков, работавший над этой проблемой в эмиграции. Им принадлежат поразительно воображение находки. Демблон обнаружил в списке студентов Падуанского университета за 1596 год не только Рэтленда, но и его сокурсников-датчан Гильденстерна и Розенкранца. Сравнив два издания “Гамлета”, он нашел, что во второй редакции, по-

явившейся сразу же после поездки Рэтленда в Данию, появилось много конкретных реалий быта и нравов датского королевского двора. Пороховщиков обнаружил в библиотеке Бельвуара, родового замка Рэтлендов, рукопись варианта песни из “Двенадцатой ночи”, написанную, как он заключил, рукой Рэтленда. Даже если это не так (графологическая экспертиза, увы, с тех пор не была сделана), все равно находка бесценна – это единственный сохранившийся шекспировский текст, написанный рукой современника.

Главным аргументом против предполагаемого авторства Рэтленда был его возраст. И Штейн, естественно, на это ссылается: “Рэтленд родился в 1576 году. Таким образом, пьесы “Генрих VI” и “Ричард III” он мог написать в 14–16 лет”.

Увы, датировка трилогии о Генрихе VI 1590 годом малодоказательна, научную дискуссию по этому поводу нельзя считать законченной. Шекспироведы разных ориентаций часто ссылаются на список шекспировских пьес, составленный в 1598 году Ф. Мерезом. Осведомленность составителя не вызывает сомнений, ибо ему известны даже пьесы, которые в тот момент не были ни поставлены, ни опубликованы. А вот “Генриха VI” в перечне нет. И в обращении к графу Саутгемпτονу, предвещающем поэму “Венера и Адонис”, Шекспир называет ее “первенцем моей фантазии”. Рэтленду в это время было 17 лет: вполне подходящее время для начала серьезного творчества, особенно если учесть, что уже с 11 лет он занимался в университете. Датировку и “Генриха VI”, и “Ричарда III”, вне зависимости от того, кто их написал – Рэтленд или Шакспер, следует отнести на более позднее время...

Ну, а что касается совета Штейна, обращенного к “некоторым нашим шекспироведам”, употребить “свои хитроумные усилия” не на поиски некоего мифического истинного автора, а на “осмысление, изучение и пропаганду” творчества Шекспира, то лично я действительно надеюсь еще поработать по части “осмысления, изучения и пропаганды” Шекспира. И совершенно новый импульс дают мне в этом исследовании Гилилова. Благодаря ему Шекспир перестает быть блеклой маской. чья биография и пьесы следуют переперескачивающимся курсами.

Надеюсь, что и Гилилов, следуя совету Штейна, не остановит исследований в начатом направлении. Да и неразумно было бы прекратить поиски именно тогда, когда они привели к столь впечатляющим результатам: найден и введен в научное обращение уникальный, ранее неизвестный материал, в том числе 34 страницы шекспировской поэзии; разгадана и точно датирована оставшаяся долгие годы загадкой поэма “Голубь и Феникс”, а через нее найден единственно возможный путь к решению “шекспировского вопроса”, две сотни лет мучившей умы человечества.